

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

художественно-литературныхъ журналовъ „Новая Иллюстрація“ и „Новое Слово“.

Всѣ статьи для помѣщенія въ газетѣ должны быть доставлены авторами въ редакцію не позднее 12 часовъ дня предшествующаго дня. Статьи, рисунки и фотографіи, доставляемые съ обязательными условіями, оныхъ помѣщенія въ газетѣ, должны быть доставлены въ редакцію не позднее 12 часовъ дня предшествующаго дня. Статьи, рисунки и фотографіи, доставляемые съ обязательными условіями, оныхъ помѣщенія въ газетѣ, должны быть доставлены въ редакцію не позднее 12 часовъ дня предшествующаго дня.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
со всѣми приложениями
и съ пересылкою:
Изъ ТРИ МѢСЯЦА . . . 1 руб. 35 коп.
На 1 мѣсяць . . . 45 коп.
ОТДѢЛЬНЫЕ НУМЕРА (съ пересылкою) — 2 коп.

Главная Контора и Редакція
СПБ., Галерная ул., соборн. д. № 40.
Телефоны: №№ 512 и 211, 511.
Адресъ для телеграммъ: БиржВѢДОМСТИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
со всѣми приложениями
и съ пересылкою:
На годъ . . . 5 руб.
На 6 мѣсяцевъ . . . 2 руб. 60 коп.

СВѣДѢНІЯ: въ редакцію текста 1 руб. 20 коп.
въ редакцію текста 60 коп.
за мѣсто, занимаемое строкою въ газетѣ.
Средствъ (въ городѣ, въ иностранствѣ), 15 коп.

№ 15. XVII годъ изданія (I изданія—XXX).

Среда, 20-го января 1910 г.

Впечатлѣнія бытія.

«Посмертные друзья».

Въ Чеховскій день всѣ вспоминали о Чеховѣ. Это такъ водится.

Что люди, бывшіе близкими къ писателю при его жизни, любившіе его не литературно, а житейски, человѣчески, при всякомъ казѣйшемъ поводѣ вспоминаютъ о дорогомъ человѣкѣ, этому я вѣрю, это такъ и должно быть. Но чтобы по шучьему велѣнію, по указанію литературнаго календаря, съ наступленіемъ повода, у всѣхъ мгновенно вылетали изъ головы всѣ мысли о личностяхъ дѣлахъ и голова начинала производить исключительно воспоминанія, — въ этомъ я позволяю себѣ усомниться. Я думаю, что тутъ есть нѣкоторая натяжка и что дѣятели изъ ста воспоминателей не только не отрекались отъ мысли о своей личности, а, напротивъ, пользовались случаемъ при посредствѣ воспоминаній украсить себя, свою собственную особу.

Я встрѣтился съ однимъ писателемъ, пользующимся нѣкоторой извѣстностью. Онъ принадлежитъ къ чеховскому поколѣнію, я знаю, что онъ былъ друженъ съ покойнымъ писателемъ. Я спросилъ его:

— Почему вы ни разу ни строчки не написали о Чеховѣ? Вѣдь, вы были съ нимъ друзья и близки. Можно подумать, что вы не сохранили о немъ хорошихъ воспоминаній. Я даже слышалъ нѣкоторые вѣстныя для васъ объясненія...

— Да, да... — сказалъ писатель. — Я знаю. Есть охотники объяснять мое молчаніе чуть-ли не завистью... Но согласитесь, что опровергать такіа объясненія было бы унижительно. Былъ даже случай, когда одинъ почтенный критикъ въ разговорѣ со мной пытался довольно своеобразно навести меня на мысль. Задавъ мнѣ вопросъ, почему я ни слова не написалъ о Чеховѣ, которого близко зналъ, онъ тутъ же подкасалъ мнѣ: «Вы, конечно, считаете его нѣсколько преувеличеннымъ»...

Но онъ не продолжалъ, потому что я оборвалъ разговоръ.

Если вамъ угодно, я скажу, почему ниче-

го не писалъ о Чеховѣ. Когда было получено извѣстіе о его смерти, первымъ моимъ душевнымъ движеніемъ было — взять перо и перенести на бумагу мою глубокую скорбь, сказать о томъ, что потеряло общество и что я потерялъ. Движеніе это понятно: я писатель. Обыкновенный обыватель въ такихъ случаяхъ ищетъ живого человѣка, чтобы подѣлиться съ нимъ своимъ горемъ, музыкантъ садится за рояль и импровизируетъ, писатель хватается за перо.

Но пришли газеты, и, по мѣрѣ того какъ я развораживалъ ихъ и читалъ, мое желаніе угасало во мнѣ. Боже, кто только не писалъ о Чеховѣ, кто только не «вспоминалъ» о немъ! Какое потрясающее множество друзей оказалось у него.

Сперва я читалъ внимательно, добросовѣстно, но потомъ мнѣ стало больно, и я бросилъ. Почему мнѣ стало больно? Да потому, что во всѣхъ этихъ «воспоминаніяхъ» Чеховъ игралъ роль статиста, котораго ставятъ или саждаютъ въ кресло для того, чтобы было къ кому обращаться съ монологомомъ. За очень немногими исключеніями рѣчь шла собственно о самихъ авторахъ воспоминаній, описывался какой-нибудь подвигъ его, а Чеховъ при этомъ присутствовалъ единственно ради прославленія имени самого воспоминателя. Авторами являлись люди самыхъ разнообразныхъ отѣнковъ, но съ одной общей чертой. Были совершенно неизвѣстные — они пользовались случаемъ сдѣлаться извѣстными, были нѣкогда извѣстные, но забытые, они напоминали о себѣ, были начинающіе, желавшіе близостью къ покойному писателю ускорить ходъ своей славы. Были, конечно, и люди искренніе, взявшіеся за перо просто по внутреннему влеченію, но ихъ была капля въ морѣ.

Это было противно. Рука отезывалась держать перо при мысли о томъ, что ты невольно присоединяешься къ этому хору внезапно народившейся цѣлой толпы близкихъ завадныхъ друзей писателя.

Я, дѣйствительно, близко зналъ Чехова, и эта близость даетъ мнѣ право сказать съ увѣренностью, что онъ вовсе не обладалъ такимъ распахнутымъ настежь сердцемъ, куда могъ вломиться всякій и разсѣяться, какъ дома, въ качествѣ заваднаго друга.

Внимательнѣе онъ былъ ко всѣмъ, но друзей у него было немного. И эта толпа друзей, вдругъ объявившаяся на другой день послѣ его смерти, были «посмертные друзья» въ буквальномъ смыслѣ этого слова, потому что они стали его друзьями послѣ его смерти. Это дѣлается очень легко и просто, ибо навѣки сомкнутыя уста не могутъ возражать, не могутъ сказать: нѣтъ.

Мнѣ было тяжело читать это еще и потому, что большинство писавшихъ были люди, извѣстные мнѣ хоть поименно, и мнѣніе Чехова о большинствѣ ихъ я зналъ. Какъ онъ думалъ о нихъ и какъ отзывался, я тогда не сказалъ и теперь не скажу.

Даже ихъ, выражаясь мягко, снѣлость, съ которою они повѣствуютъ свои воспоминанія о фактахъ, никогда не бывавшихъ въ дѣйствительности, не подвинетъ меня на это.

Вѣдь, мнѣнія эти Чеховъ высказывалъ въ частной бесѣдѣ, не рассчитывая на то, что они будутъ переданы гласности. При жизни или послѣ смерти — это все равно — до вѣрїе должно быть всегда оправдано.

И именно то, что эти господа безъ разбора, рассказываютъ все, что прямо или косвенно, можетъ быть, изъ третьихъ рукъ попало къ нимъ въ уши, снѣшивая факты съ анекдотами, рассказы Чехова про другихъ съ событіями изъ его жизни, именно это и есть лучшее доказательство того, что они никогда не были близкими людьми его: ничѣмъ, касающимся его, они не дорожатъ, не взвѣшиваютъ, потому что они вовсе не думаютъ о немъ, а только о себѣ.

Про чужую жену все рассказать можно, даже то, чего не было, а про свою обыкновенно молчатъ, даже когда есть что разсказать.

И когда я «причитывался» къ тому, что писалось о Чеховѣ, я диву давался, до какой степени люди, преслѣдующіе постороннія цѣли, могутъ извратить въ глазахъ потомства личность писателя.

Мнѣ приходило на мысль, что также точно въ свое время были извращены, видоизмѣнены, овульгарены личности Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Некрасова, Достоевскаго и другихъ дорогихъ намъ покойниковъ.

Вѣдь это такъ легко дѣлается само собою,

даже безъ малѣйшаго злого умысла. Воспоминатель зачастую рассказываетъ то, что дѣйствительно было, но отъ насъ ускользаетъ степень значенія рассказываемаго факта въ глазахъ самой личности, о которой вспоминается, ускользаетъ п е р с п е к т и в а, то-есть самое важное.

Человѣкъ могъ сказать какою-нибудь фразу вскользь, даже не какъ свою собственную мысль, а что-нибудь пришедшее на память, а воспоминатель изъ этой фразы добросовѣстно дѣлаетъ цѣлую исторію и его ставитъ въ центрѣ, дѣлаетъ героемъ исторіи.

Впечатлѣніе получается такое, какъ будто исторія характерна для лица, а въ дѣйствительности она была мимолетной случайностью.

Изъ такихъ, повидимому, пустяковъ, когда они накапливаются во множествѣ, создается характеристика личности, рисуется образъ умершаго дѣателя, совершенно не соответствующій тому, каковы онъ былъ въ дѣйствительности, а перѣдко даже противорѣчащій ему.

Вѣдь чтобы правильно наблюдать, правдиво отмѣчать характерныя черты, отдѣлять ихъ отъ случайныхъ, требуется обладаніе наблюдательностью, которая далеко не всякому дана. А чтобы судить о качествахъ выдающихся крупныхъ людей, нужна особая наблюдательность, высшаго порядка.

Между тѣмъ о крупныхъ-то личностяхъ, когда мы ихъ утратили, лѣзетъ въ печать съ своимъ воспоминаніемъ всякій, кто хочетъ.

На меня это всегда производило впечатлѣніе какого-то перашливаго обращенія съ памятью дорогого покойника, — ну, право же, точно такъ, какъ будто на свѣжую могилу его каждый считаетъ себя въ правѣ приходить не для разума и молитвы, а такъ, для чего хочетъ...

И тотъ Чеховъ, каковы рисовали его «посмертные друзья», не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ Антономъ Павловичемъ, какого знали его просто друзья. Одни рисуютъ его какимъ-то строгимъ моралистомъ, на каждомъ шагѣ высказывающимъ глубокомысленныя сентенціи и изреченія. Другіе, припоминая какіе-то случайные анекдоты, изображаютъ его шутикомъ. Ни тѣмъ, ни другимъ, разумеется, Чеховъ не былъ.

Насколько онъ былъ даже врагъ всякихъ подставленныхъ сентенцій и изреченій, доказывается тѣмъ, что въ своихъ произведеніяхъ онъ тщательно избѣгалъ ихъ. Мнѣ, напримеръ, достоверно извѣстно, что въ первоначальной редакціи «Чайки», какъ она шла въ первый разъ въ Александринскомъ театръ, докторъ говорилъ прелестную фразу: «Люди скучны. Девяносто процентовъ изъ нихъ не умны, остальные несчастны». Эта фраза была въ цензурованномъ экземплярѣ, и покойный актеръ Писаревъ, игравшій тогда доктора, произносилъ ее. Но затѣмъ при печатаніи Чеховъ оставилъ только первыя слова: «Люди скучны», и лучшую часть фразы вычеркнулъ.

Человѣкъ, который былъ при этомъ, вступилъ съ нимъ въ споръ, горячо отстаивая слова, которыя находилъ глубокими, но Чеховъ былъ неумолимъ: «Не стоитъ. Похоже на уничиженіе».

И вотъ этого-то уничиженія и всего, что изъ него походило, онъ былъ смертельнымъ врагомъ. Въ жизни, какъ и въ литературѣ, онъ былъ дивно, трогательно простъ и естествененъ, а его изображаютъ каковы-то агуромъ съ загадочной печатью на челѣ. И это понятно: чтобы распознать, схватить эту чарующую красоту его простоты, надо было обладать особымъ, тонкимъ и чуткимъ наблюдательнымъ аппаратомъ. «Посмертные друзья» принялись мѣрять его аршиномъ и увидѣли въ немъ то, что сами въ себѣ находили замѣчательнымъ и великимъ.

Другіе принялись составлять его характеристику при помощи глупыхъ анекдотовъ. Чеховъ, разумеется, чаще, чѣмъ кто-нибудь другой, поражалъ неожиданными блестящими остроуміями, но обличеніе ихъ въ форму анекдотовъ или даже цѣлыхъ снѣхотворныхъ сценъ принадлежало уже самимъ воспоминателямъ.

Еще только вчера я прочиталъ въ какой-то московской газетѣ глупое воспоминаніе объ арбузѣ, который будто бы Чеховъ, будучи въ саняхъ, вручилъ городовому и, сказавъ: это бомба, поѣхалъ дальше. Если бы даже Чеховъ сдѣлалъ это когда-нибудь въ глубокой молодости, въ годы студенчества, когда безъ раздума дѣлаются всякія дурьчества, не исключая и жестокихъ, то человекъ, который былъ, дѣйствительно, бли-

зоку къ нему и любилъ его, не рассказали бы этого публикѣ.

Но я увѣренъ, что ничего подобнаго Чехову никогда не сдѣлалъ. Такого рода бессмысленное и жестокое издѣвательство надъ нимъ въ чемъ неповиннымъ человѣкомъ, хотя бы этотъ человѣкъ былъ городской, было противно его душѣ. Кто же еще такъ нѣжно любилъ человѣческое въ человѣкѣ, какъ онъ?

Развѣ въ произведеніяхъ его мы не находимъ одинаково теплое и любовное отношеніе ко всѣмъ видамъ и подвидамъ человѣческой природы, будь то помѣщикъ, генералъ, социалистъ или городской?

И надо было задумать эту шутку, приготовить къ ней, купить арбузы и проч. Надо было завѣдомо поломаться, поактерствовать. И это приписывается Чехову, который презиралъ всякое ломанье.

И еще какая-то другая исторія рассказывается о встрѣчѣ его въ Петровскомъ паркѣ и цѣлый діалогъ: «Здравствуй, Грингмутъ», — съ «черносотеннымъ содержаніемъ». И опять это несвойственное Чехову ломанье, котораго онъ никогда не допустилъ бы. Онъ могъ подурчиться въ своей семьѣ, въ тѣсномъ кругу своихъ друзей, но на улицѣ, въ паркѣ, гдѣ «собралась толпа»... Ахъ, какъ же это неумно сочинено... Еще что-то о «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ ресторанѣ «Прага».

И не понимаютъ люди, что этими глупыми анекдотами они умаляютъ большую и прекрасную личность покойнаго писателя... до размѣровъ собственной личности. Конечно, ихъ собственная личность кажется имъ великой, и въ этомъ ихъ печальное оправданіе.

И вы спрашиваете меня, почему я не выступилъ со своими воспоминаніями о Чеховѣ. Надѣюсь, теперь вамъ это ясно. Но есть еще и другое: у меня еще нѣтъ воспоминаній. Его смерть для меня была такъ поразительна, такъ противна разуму и справедливости, что я и до сихъ поръ не примирился съ нею. Иногда на меня находило такое состояніе, что я готовъ громко кричать, протестовать противъ этихъ непреодолимыхъ величій судьбы, и тогда я не признаю, я отрицаю ихъ. Я говорю: онъ не умеръ, онъ живъ. Для меня онъ еще живетъ. И мнѣ кажется, что всѣ близкіе ему люди должны

чувствовать такъ. Онъ своей жизни не дожилъ; судьба пресѣкла ее въ половинѣ, въ самомъ расцвѣтѣ, когда дошелъ до полной зрѣлости его чудный талантъ и готовъ былъ развернуться во всю ширь. И въ душахъ близкихъ его людей онъ доживаетъ свою жизнь.

И потому у близкихъ людей не можетъ быть воспоминаній о немъ. Я не могу вспоминать о томъ, кто всегда еще со мной, когда я чувствую и осязаю въ своей душѣ.

Въ нашей литературѣ вообще испортились нравы, а въ смыслѣ отношенія къ свѣжей памяти дорогихъ покойниковъ въ особенности. Въ прежнее время къ этой памяти относились осторожнѣе. Недаромъ отъ тѣхъ временъ осталась намъ классическая фраза: «Черезъ тридцать лѣтъ послѣ моей смерти появится въ «Русской Старинѣ». Тридцать лѣтъ, можетъ быть, это и слишкомъ много. При быстротѣ современной жизни все дѣлается скорѣе, и раны зарубцовываются быстрѣе, чѣмъ прежде. Но когда на другой день послѣ смерти всѣмъ дорогому человѣку улица и площадь на всѣ голоса кричатъ объ интимныхъ подробностяхъ его жизни, когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже собираютъ и тискаютъ его частныя письма, когда, не давъ даже травѣ вырасти на его могилѣ, башмаковъ не износивъ, въ которыхъ шли за его гробомъ, скорбные «посмертные друзья» уже такъ развеселились, что сочиняютъ про него анекдоты съ арбузами, то это, по-моему, дурные, отвратительные нравы.

Право, я не преувеличиваю: ко мнѣ уже не меньше дюжины какихъ-то совершенно неизвѣстныхъ мнѣ людей обращались съ просьбой: «Милостивый государь, мнѣ извѣстно, что вы были въ дружескихъ отношеніяхъ съ А. П. Чеховымъ, и у васъ, безъ сомнѣнія, имѣются его письма, писаныя къ вамъ. Имѣя въ виду предпринять» и т. д. Всѣ они предпринимали какіе-то сборники, конечно, въ интересахъ литературы, а также всесторонняго выясненія свѣтлой личности покойнаго писателя...

Допустимъ даже, что такъ. Повѣримъ тому, что ихъ собственная личность здѣсь не играетъ никакой роли. Но скажите же, неужели люди, дѣйствительно близкіе, любившіе живого и любящіе умершаго, нашли бы въ себѣ силы такъ скоро рыться въ его ду-

шѣ и не только сами, но предоставить рыться другимъ, выдавъ имъ оставшіяся послѣ него письма. Нѣтъ, это могутъ спокойно, безъ дрожанія рукъ, безъ слезъ, наполняющихъ глаза, дѣлать только «посмертные друзья», которые полюбили его на другой день послѣ его смерти.

Вы хотите еще, чтобы я отозвался на появленіе въ литературѣ о Чеховѣ двухъ недоброжелателей въ лицѣ Ежова и какого-то Фиделя. Но къ нимъ, кажется, по всей литературной и общественной линіи отнеслись съ одинаковымъ чувствомъ. Что еще можно сказать о нихъ? Я считаю ихъ выступленія законными и нормальными и даже нахожу, что безъ нихъ прославленіе имени Чехова было бы неполнымъ. Какъ у каждого предмета, освѣщаемаго солнцемъ, есть тѣнь, такъ у каждой настоящей, заслуженной извѣстности непременно есть завистники. Ну, относительно Фиделя я ничего не знаю. Имя это является въ первый разъ, и кажется, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ простой, ничѣмъ не прикрытой глупостью. Но Ежовъ—типичный завистникъ самого низменнаго пошиба. Онъ, если не ошибаюсь, одновременно съ Чеховымъ начиналъ въ одномъ юмористическомъ журналѣ. Оба писали небольшіе смѣшные рассказы. Но Чеховъ вышелъ изъ этой линіи и поднялся на огромную высоту, откуда сталъ виденъ всему міру, а Ежовъ остался на мѣстѣ. Были дѣти одного возраста и вмѣстѣ играли. Но одинъ выросъ въ великана, а другой остался карликомъ. И это—зависть карлика къ великану. Сколько мнѣ помнится, Чеховъ, никогда не забывавшій старыхъ связей, относился къ Ежову со своей обычной теплотой и даже что-то для него устраивалъ, такъ что къ зависти тутъ еще присоединилась и неблагодарность.

Глупость и зависть пришли къ могилѣ усопшаго писателя и заняли каждая подобающее ей мѣсто. Къ глупости мы отнесемся съ пренебреженіемъ, а къ зависти съ омерзениемъ.

— Ну, вотъ видите, какъ много я наговорилъ вамъ. Право, кажется, даже больше, чѣмъ слѣдуетъ, — закончилъ писатель, и мы разстались.

Фингалъ.